

Не пара

I

ак ни живи, а горя не минешь. Уж так нам бог дал, такая уж доля наша...

Была у меня племянница; у меня она и выросла, сиротой оставшись с малых лет. Я и отца и мать ее схоронила и оплакала; я ее и уму-разуму учила и добро ее берегла. Была у ней и хата хорошая, и усадьба, и такие скрини на колесах, что заглянешь в них бывало— и дна рукой не достанешь.

Живет она у меня веселая да красивая!.. Чернобровая такая да светлоглазая, и губы румяные, и станом стройная. А уж веселая была да игрунья!

И хозяйка из нее вышла добрая, работающая. А когда вошла в возраст, я и вовсе заботиться по дому перестала — все она сделает, за всем присмотрит, и рассудит, и дома мне с нею веселей.

II

Вот так и живем мы в любви да в согласии. И вдруг стала я примечать, что Парася моя все что-то задумывается. И словечка вслух не вымолвит, весело не засмеется, не глянет. И осунулась даже.

Мне-то она не признаётся, а я не спрашиваю. Ходила она и на улицу, и на посиделки. Соберется бывало и скажет: «Тетушка-голубушка! Пойду я к дивчатам», или куда-нибудь еще; а теперь из дому выпорхнет, меня не спросясь.

III

Однажды вечером воротилась она такая тихая, но веселая; вроде бы хочет мне что-то сказать, а не говорит.

— Что, Парася-голубонька, что тебе хорошего по дороге встретилось?

А она все не решается сказать мне, только взглянет и покраснеет. А я все допытываюсь: скажи да скажи.

Она встала, да и говорит:

— Я, милая тетушка... я скоро замуж пойду.

— Бог тебе помоги! Да пошлет тебе божья мать счастье-доло!

Спрашиваю, за кого ж она думает.

— За Семена Палия.

— Ох, дитяtko мое! Да пара ли он тебе? — говорю.

— И пара и по нраву! — отвечает мне с гордостью.

IV

А был этот Семен Палий на все село чудной да странный какой-то. Он был богатей, а жил так, как самые последние бедняки живут. Поедет бывало на ярмарку — и не наживется совсем, а скорей потеряет. Продаст ли что или купит, а все не на пользу себе, всяк, кому вздумается, обманет его. Не то чтоб он был недоумок: светлая была у него голова, как скажет бывало что-нибудь — точно медом тебя напоит; а все же странный был он, какой-то непонятный человек. Подобных людей я и не видывала. Иной раз найдет на него что-то: пролежит целехонький день на огороде, будто захворал, или всю ночь по степи проблуждает, по полям. Кто его знает, что с ним такое!

V

Вот все это я и поясняю племяннице. А она... известное дело, коли дивчина влюбится, ни на что не посмотрит. Уж любит, так любит. Хоть и знает, что не будет ей счастья, а не боится — о своей доле не думает.

И советовала я и просила. А она, слушая, плачет; но душой к Семену Палию, словно мотылек на огонь: не отгонишь, не удержишь. Что мне делать? Разлучить не решилась, благословила.

VI

Да и сама я радовалась, глядя на житье их милое да хорошее. Приду бывало к ним в гости — сидят себе рядышком. И такие счастливые! Такие красивые! А как присмотрелась я к нему, полюбился он мне, моя матушка, стал мне, словно дитя родное. Такой взгляд был у него, такая речь, такая краса, что родной тебе, да и все!

Забегит бывало Парася ко мне ненадолго... Боже, какая веселая, какая счастливая!

— Ну что, Парася?

— Да хорошо мне, тетушка-голубушка, хорошо мне! Любит он меня крепко. Ни на шаг от себя не отпускает; все петь просит: «Сядь рядом со мной, спой мне, птишка, спой». Вот я и пою, а он слушает да в глаза мне глядит... И что за глаза господь ему дал!

— А хозяйство-то как? — спрашиваю.

— Да и хозяйство теперь ничего. Хорошо, все хорошо. Я уж так стараюсь, так ему угождаю... А он, тетушка, все мне работать не дает, ей-богу... Хлопочу у печи или еще что-нибудь, а он: «Чего ты так долго, Парася?» — «Да я для тебя, голубь мой, чтоб тебе было повкуснее». — «Да мне это, — говорит, — все равно, мое серденько! Подойди, сядь возле меня да обними, поговорим, как нам на свете жить, как другие люди на свете живут...» И как начнет он, тетечка, рассказывать, я все и позабуду, что начала делать и что к чему. Опomнюсь — и стыдно даже станет, какая из меня хозяйка... Теперь-то я уже поумнела, управляюсь, и мою, и шью... А он, глядь, и запечалится, и помрачнеет, не ест и не пьет ничего.

А я прошу, а я прошу: «Да ты хотя бы отведал, хотя бы пригубил! Кушанье вкусное, не какое-нибудь». — «Да как же ему быть невкусным, раз ты свои ручки приложила и мысли к тому же!» — скажет он, будто смеясь надо мной. А я его целовать — ну, он опять и повеселеет.

VII

Радуюсь я бывало, слушая ее щебетанье. Не было и мысли, что все это счастье большою бедой обернется. Хотя Парася и не так уж частенько ко мне захаживает, как прежде, а я все думаю: «Это оттого, что живет она в счастье да в довольстве». Ведь недаром говорится: «Хорошо человеку, он и бога забыл».

Вот как-то собралась я, да и пошла к ним в воскресенье. Хата заперта. Я тогда в сад и вижу — сидят они рядышком, только отчего-то оба невеселы: сидят себе молча.

А сад у них зеленел по склону до самого берега. Вдоль сада широкая речка течет. На той стороне желтеют хлеба, слышать, как мелет водяная мельница, и слышишь и видишь — шумят и гнутся вербы на плотине и легкий ветерок повеваает...

Они сидят под грушею. Он смотрит куда-то вдаль, а она на него. Подхожу — оба встрепенулись.

— Бог в помощь! Здравствуйте!

— Милости просим!

Здороваются, говорят; а мне все кажется, что оно не так как-то, как прежде было.

Посидела я у них и домой собираюсь.

— Проводи ж меня, Парася, — говорю ей.

Она и пошла меня проводить.

— Парася, — говорю, — что это вы нынче такие? Что с вами?

А она:

— Да ничего, тетечка, ей-богу ничего!

Так и не сказала. На том мы и простились.

Иду я себе и все думаю: «Что это она стала такая неспокойная? Что там у них творится? Может, — думаю, — немножко поссорились? Ну, и помирятся, мои голубки».

VIII

Жду я ее, жду, а ее все нет. Если когда и увижу на работе, то на минуточку.

— Что не зайдешь, не проведаешь?

— Приду, приду, тетечка!

А сама все не идет и, вижу, чахнет и чахнет моя Парася.

Иду я опять к ней. А уже зима, крепкие морозы ударили. Прихожу — она печь растопила, а сама сидит на полу, голову свесила и руки опустила. Жива или не жива?.. «Ох, пришло для моей Параси тяжкое время!» — думаю.

— Парася! — говорю.

Она поднялась тогда и стоит, бледная и унылая.

— Скажи мне, дитя мое, поведай свое горе!

Она молчит да на огонь смотрит. А я прошу, а я прошу и плачу. А она все на огонь глядит. И долго я просила, а она все смотрела, а потом, повернув ко мне голову:

— Муж не любит! — промолвила.

— Как, Парася, не любит? Бог с тобой!

— Не любит! — говорит, да так это от души сказала, что я сразу поверила. — Поначалу любил, а теперь не любит.

— Что ж, обижает он тебя? — спрашиваю. — Бьет, может?

— Нет, не бьет, не обижает — только не любит: не глянет, не пожалеет, не улыбнется...

— Что это с вами случилось? — говорю.

— И сама не знаю, — отвечает. — Я и угождала ему и любила его, да, видно, доля моя такая!

— Может, он на тебя за что прогневался?

— Да за что ж? Разве я его не слушаюсь? Вот летом сидим мы в саду, он мне показывает: «Глянь, какая вода чистая! Как в камышах гудит — послушай». Я сперва было и не гляжу, не слушаю — не хочу. «Лучше я тебя поцелую, — скажу ему бывало, — что мне глядеть там!» Вижу, он брови хмурит, и я уж потом и приглядывалась и прислушивалась, будто отродясь такого не видывала, — ему в угоду. Да опять-таки, как помер Лысенко и вдова скот продавала, я просила его: «Купи! Задешево купишь у нее». А он мне на это: «Сиротским добром разбога-

теть хочешь, Парася?» А я ему доказываю, что все равно люди купят. «Да не мы...» Вижу, слушать ему это отчего-то горько, я и замолчала... Нет, тетечка, я его слушалась, да уж такое мое счастье...

IX

А тут и он как раз вошел в хату. Снял шапку, поздоровался, а сам гордый такой да хмурый.

— Озяб! — говорит.

Как схватится Парася!.. Раздувает огонь в печи, и кожух его стряхивает, и вьется вокруг него, как горлица.

А он — такой красивый, я, кажись, его таким и не видела, — протянул, греет руки над багряным пламенем. Задумался. А как подвернется ему, на глаза его гордые и печальные, Парася, отводит от нее взгляд...

Хотелось мне что-нибудь посоветовать, сказать, да ничего не сказала — пошла себе домой.

И сколько раз хотелось мне после сходить к ним, да как вспомню — и не иду. Чуть припомню, как стоял он гордый да спокойный такой, такой далекий, — матушка!.. Нет, не пойду! Ничто уже не поможет.

